

Доктор Нонна

Жизни и судьбы

Часть сборника
Немачеха (сборник)

Житейские истории

Доктор Нонна
Жизни и судьбы

«ЭКСМО»

2012

Нонна Д.

Жизни и судьбы / Д. Нонна — «Эксмо», 2012 — (Житейские истории)

ISBN 978-5-699-56789-8

После дежурства Фрида заметила в холле у бокового входа маленькую хрупкую женщину с тяжелой гривой черных вьющихся волос. К женщине быстрыми шагами подходил высокий худой парень. Фрида решительно двинулась к ним:— Неужели опять какие-то осложнения?— Нет, что вы! — женщина засияла улыбкой. — Я вас помню, вас Фрида зовут, да? У нас все хорошо, просто у Арона сегодня был плановый осмотр, — она с нежностью взглянула на сына. — Спасибо вам! Фрида попрощалась и пошла к выходу. Уже на улице она обернулась, окинув взглядом здание больницы. Закатное солнце играло в чистых стеклах. За каждым билась чья-то жизнь. Фрида отыскала взглядом «свои» окна и улыбнулась. Завтра она опять дежурит с семи утра.

ISBN 978-5-699-56789-8

© Нонна Д., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Наташа	5
Григорий	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Доктор Нонна Жизни и судьбы

Наташа

Дежурство начиналось в семь, но Фрида старалась приходить пораньше – чтобы и самой спокойно во все вникнуть, и никого из предыдущей смены не задерживать.

– Как сегодня, много? – спросила она у высокой белокожей Карен, собиравшейся домой.

– Часа полтора назад русскую привезли с обширным инсультом.

Фрида подумала, что раз инсульт, да еще и обширный – наверняка килограммов двадцать у дамы лишних. А то и шестьдесят. Значит, и дыхание плохое, и вообще. Если что, санитаров на помощь звать придется. А Фрида любила управляться самостоятельно.

– Очень толстая?

– Да нет, молодая и красивая, тридцать шесть лет всего, – Карен на мгновение перестала переплетать свою роскошную косу. Такой косы не было не то что во всей их больнице, а, пожалуй, во всем Тель-Авиве. – Да сама посмотри.

Фрида приникла к стеклянному «иллюминатору» бокса интенсивной терапии. Неподготовленный человек в такой обстановке вряд ли отличил бы старую ведьму от юной красотки. Может, и вовсе не понял бы, человек перед ним или часть сложной системы: трубочки, катетеры, датчики, провода и главенствующие над всем «космические» приборы с экранчиками – какие побольше, какие поменьше. Но Фрида наметанным взглядом тут же оценила все, что требовалось.

– Действительно, молодая и красивая. И фигура отличная. Тридцать шесть лет? Странно. С чего бы там инсульту быть. Говоришь, русская? – обратилась она к Карен, уже стоявшей на пороге.

– Да откуда я знаю! Наталья Потеха. Может, русская, может, с Украины или из Белоруссии. А может, вообще из Канады или из Австралии, там их тоже навалом. В приемном покое дочь ее сидит, можешь у нее спросить.

Худенькая, нахохлившаяся, как воробышек, девчонка в мини-юбке издали показалась Фриде очень юной, лет пятнадцати-шестнадцати. Однако, подойдя поближе, медсестра решила, что девушке уже хорошо за двадцать: вполне взрослая грудь, и шея не первой свежести, и гусиные лапки у глаз уже наметились. Понятно, что все это пропадет, стоит девчонке выспаться, но сейчас, после бессонной ночи – наверное, с матерью на «Скорой» приехала – все возрастные признаки очень заметны. Очень странно.

– Вы дочь Натальи Потехи?

– Ой, вы по-русски говорите? Какое счастье! А то они меня спрашивают, а я ж не понимаю! Я только-только к маме приехала. Как она?

Фрида пожала плечами:

– Пока трудно сказать. Состояние стабильное, но тяжелое. Сейчас нужно в причинах разобраться. Ваша мама – гипертоник?

– Да нет, – девушка пожала плечами. – Она всегда здорова была, и следила за собой, и зарядку делала. Только здесь, у вас, наверное, уже нет. Она ведь на заработки приехала. У меня дочка родилась с пороком сердца. Да еще диагноз поздно поставили. Одну операцию сделали, но неудачно. Она прям синееет, представляете? Надо срочно ее оперировать, в Германию везти, а это дорого очень. А ведь у нас даже в Киеве не заработки, а слезы. Вот мама сюда и приехала. Ну да, уставала она сильно, но ведь не из-за этого же? – Девушка уже чуть не плакала.

– Из-за климата уставала? – суховато поинтересовалась Фрида. – Или все-таки еще что-то было? Понимаете, ваша мама совсем не похожа на человека, у которого может вдруг случиться инсульт.

– Ну да, наверное, из-за климата. Она жаловалась, что очень жарко. И... – девушка вдруг смутилась, опустила глаза и залилась краской. – Она климакс тяжело переносила.

Фрида задумалась. Ну да, конечно, климакс бывает и очень ранний. Но все-таки тридцать шесть лет... И у «девушки» этой у самой ребенок уже. Во сколько же лет она рожала? Да и мать тоже...

– Погодите. Вам сколько лет?

– Двадцать четыре.

– У вашей мамы в карточке написано, что ей тридцать шесть лет. Поэтому я и удивилась – такой ранний климакс бывает очень редко.

– Ну... – девушка опустила глаза. – На самом деле... Смешно, конечно: мне двадцать четыре, Наденьке скоро пять будет, а маме по паспорту тридцать шесть... А на самом деле...

Медсестра кивнула, отметив это проскользнувшее «по паспорту».

– Понимаете, – продолжала девушка, – мама всегда красивая была и старалась выглядеть... ну... она всегда очень молодо выглядела. Старалась, в общем. А когда мне пятнадцать было, она с Юрой познакомилась. Ему всего двадцать пять было, а она... в общем, это была какая-то сумасшедшая любовь. Но мама очень из-за возраста переживала. Сделала пластику – очень удачно, говорят, потому что первый раз – и даже паспорт поменяла из-за даты рождения. Они ведь жениться собрались, тут мало выглядеть на двадцать пять, там же возраст-то пишут... боялась она, что Юра увидит. Ну, знаете, если заплатить, кому надо, все, что хочешь, сделают.

– Так сколько же ей на самом деле?

– Через месяц пятьдесят будет.

– Понятно. И что же дальше?

– Ну... потом... потом у меня Наденька родилась. И... вот... деньги понадобились. А у мамы с Юрой как-то уже прошла любовь, завяли помидоры, в общем, не очень было. Они скандалили все время. Вот она и поехала сюда. Чтобы заработать. Но все равно недостаточно денег получалось. Мы решили, что вдвоем быстрее накопим. Я две недели назад прилетела, Наденьку с Юрой оставила, но с работой все не получалось, и вчера мы с мамой... мы из-за этого повздорили. Ей вдруг плохо стало, на «Скорой» увезли. А тут сказали – инсульт.

– Понятно, – повторила Фрида. – Вы сейчас идите, нечего тут сидеть. Если что, я вам позвоню, договорились? И вот вам мой номер.

– Спасибо. Меня Марина зовут.

– Только... Марина, я вас пугать не хочу, вы надейтесь, молитесь, да, но...

– Все плохо, да? – Марина всхлипнула.

– Не слишком хорошо.

Фрида смотрела в удаляющуюся от нее худенькую спину и думала, что эта самая Марина чего-то явно недоговаривает. Повздорили они, надо же! Впрочем, картина и без того достаточно ясная. Хорошо, что она с этой дочерью поговорила, все выяснила. А то – тридцать шесть лет, подумайте!

Марина осторожно закрыла за собой сверкающую в лучах еще низкого утреннего солнца стеклянную дверь и боязливо оглянулась: в просторном зале было пусто. То есть там, конечно, находились какие-то люди, но – посторонние. Марина разжала кулачки – на ладонях остались глубокие красные следы – и облегченно вздохнула. Ей казалось, что эта ужасная медсестра с непроницаемыми черными глазами сейчас бросится вслед, потому что видит ее, Марину, насквозь и точно знает: в том, что случилось с мамой, виновата она, Марина...

...Юра был хорош. Сказочно хорош. Марина искренне гордилась, что у мамы такой красивый муж. Высокий, сильный, подтянутый, он совсем не походил на отцов и отчимов ее подруг

– с их залысинами, пивными животиками и тощими ногами; да еще эта мода на гавайские шорты! Кошмар.

Безумной любви хватило года на три. Потом у мамы появился новый поклонник – как обычно, очень солидный, значительно старше ее. Потом еще один, и еще. Нет, ничего «такого», не подумайте! Наташа никогда не доводила своих поклонников до постели, виртуозно удерживая их на приличном расстоянии. Просто она жить не могла без мужского внимания. Ей нужно было, чтобы кто-то ею восхищался, ухаживал, носил на руках. Букеты, приглашения на закрытые концерты... Мама просто развлекалась, а Юра впадал в бешенство.

Очередной скандал – мама опять отправлялась на какой-то концерт – разразился, когда Марина собиралась в гости к подруге. Вечеринка намечалась на даче, без взрослой опеки – а что, все совершеннолетние, почему не погулять?

Юра догнал ее возле такси, буркнул «я провожу», уселся рядом – не драться же с ним! – и угрюмо промолчал всю дорогу. Марине не очень хотелось тащить его на Людкину дачу, но отвязаться от нежеланного сопровождающего она так и не смогла.

Шампанское оказалось очень коварным напитком. Вроде слабенькое, а в голове сразу – приятный звон, и на все наплевать. К тому же от танцев все время хотелось пить, а соки и минералка очень быстро кончились... Как она оказалась в постели, Марина толком не помнила.

Проснувшись утром, девушка почувствовала, что рядом кто-то есть. И этот «кто-то» сильно прижимает ее к себе. С трудом отпихнув тяжелую мужскую руку, Марина вылезла из постели и с ужасом увидела, что ее «сосед» – Юра.

– Как ты мог? Мама... – она лихорадочно натягивала на себя разбросанную по углам одежду.

– Да ладно, – едва проснувшийся Юра был явно смущен. – Наташка сама...

– Что – сама? Да мама никогда!..

– Марин, ну прости, ну бес попутал. Злой я был очень. Я ж и подумать не мог, что ты еще девственница.

– С-скотина! – Марина отшвырнула его брюки, путавшиеся в ногах, и разрыдалась.

Матери она, конечно, ничего не сказала, постаравшись забыть о происшедшем.

Марина никогда не следила за своим «календарем», и когда она поняла, что беременна, что-то предпринимать было уже поздно, все сроки прошли. Наташа приняла известие о беременности дочери без восторга, но и без особого гнева: ну нагуляла, ну не говорит, кто отец ребенка, – ничего страшного, сами вырастим.

Зато Юра догадался сразу. Когда родилась Наденька, он еще больше отдалился от жены, но и к Марине не приблизился, все свое свободное время посвящая малышке. Впрочем, казалось, что Наташу безразличие мужа ничуть не задевает.

«Значит, только казалось, – думала Марина. – Какая же я все-таки скотина! Ну повздорили, ну обиделась – можно подумать, мы с ней в первый раз ссорились. Ну кто меня за язык тянул? А она побелела, покраснела и...»

Григорий

Едва сев в кровати, Григорий услышал знакомое звяканье: Буря, мгновенно уловив, что хозяин проснулся, сдернула поводок с крючка – готовится к прогулке. Он привычно подумал: интересно, какого она цвета? Буря, как большинство собак-поводырей, – лабрадор. Но они бывают и черные, и палевые, и даже золотистые. Можно, конечно, спросить у помощницы, но услышать название цвета и увидеть его – две большие разницы, как говорят в Одессе. Впрочем, в Одессе Григорий никогда не был, а теперь, наверное, уже и не побывает.

Помощница приходила дважды в неделю. Могла бы и каждый день, но Григорий упрямо отстаивал свое право оставаться самостоятельным. Не оттого, что ему мешало присутствие посторонней женщины, а для себя, чтобы самому не чувствовать себя беспомощным калекой.

Так. Кофеварка уже булькает, творог достал, нужно переложить его в тарелку и – да, еще апельсин почистить. Ну и зачем ему помощница каждый день? Он и сам отлично справляется. Двадцатилетний опыт хирурга – и хорошего хирурга! – помогает и в этой темноте, в которой Григорий вынужден теперь жить. Как хирург, он прекрасно знал, что технически трансплантация, в том числе и трансплантация роговицы, сегодня не представляет никаких сложностей, все давно отработано. Основная трудность – в подборе донора. За этот год возможность появлялась не единожды, но каждый раз что-то не подходило.

Неужели эта темнота на всю жизнь?

«Стоп! – оборвал он сам себя. – Так нельзя. Вспомни закон хирургии: если заранее считать операцию провальной – она и окажется неудачной. Значит, нужно сосредоточиться на вере в успех и не давать воли мрачным настроениям».

Виновники тяжелых мыслей – темнота и тишина. Совсем не страшные по отдельности, но когда они вместе, это жутковатые спутники. Буря, несмотря на кличку, соседка очень тихая. Вот Валентина все время что-то напевала, чем-то звенела... «Прекрати, – еще суровее сказал Григорий себе. – Нет у тебя жены. Нет. И не было никогда, понял? Чего тебя сегодня в мрачность понесло? Возьми себя в руки!»

С темнотой пока придется смириться, а вот терпеть тишину совершенно необязательно. Григорий включил радио: «В Хайфе предотвращен теракт...», «Экологические проблемы Мертвого моря становятся...», «Руководство движения ХАМАС заявило...», «Батальон «Алия» просится в бой...», «Госбанк Израиля снижает кредитные ставки...», «Задержана партия наркотиков на сто миллионов шекелей...».

Все как обычно, в общем.

Буря, клая когтями по полу, подошла, шумно вздохнула, ткнулась в ладонь мокрым холодным носом – утешала. Григорий потрепал ее по загривку – ничего, «будет буря, мы поспорим и помужествуем с ней!»¹.

– Помужествуем, Буря? Сейчас кофе выпьем и гулять пойдем.

Псина еще раз ткнулась в ладонь и легла, привалившись к ногам.

Григорий отхлебнул из чашки. Надо же, сахар забыл положить. Он потянулся к шкафчику, нащупал сахарницу и замер.

Бабушка всегда пила без сахара – и кофе, и чай. Говорила, что с сахаром – это уже какой-то компот. Настоящий кофе должен быть с папиросой. Или с сигаретой хотя бы. Курила она непрерывно, прикуривая одну папиросу от другой. Ну, почти непрерывно. Невозможно ведь представить врача на обходе с папиросой. На операции – тем более. Но уж едва размывшись, Евгения Марковна отводила душу. Устраивалась в ординаторской с кружкой крепчайшего чая

¹ Н.М. Языков. Пловец.

и, пуская клубы дыма, проводила «разбор полетов». «Дракон», – шептались за спиной санитарки.

Много лет спустя, незадолго до отъезда в Израиль, Григорий впервые посмотрел фильм «Покровские ворота». Погруженный в работу, он не любил телевизор – скучал, засыпал. Но Валентина была уже беременна, он старался потакать жене, вот и уговорила: «Ну посиди со мной за компанию!» Когда на экране появилась Римма Маркова – в хирургической шапочке, с папиросой и незабываемым: «Резать к чертовой матери! Не дожидаясь перитонита!» – у Григория перехватило горло: бабушка! Весь остаток фильма он просидел, как приклеенный, ожидая появления «бабушки», даже не вытирал неудержимо льющихся слез. «Покровские ворота» он потом смотрел раз двадцать – и каждый раз плакал, и каждый раз казалось – вот выйдет сейчас на кухню, а там бабушка с неизменной папиросой и кружкой крепчайшего чая.

В больнице Евгения Марковна проводила куда больше времени, чем дома, считая, что выходные придумали бездари и лодыри. Да и дома, обложившись книгами, специальными журналами и толстыми, «лохматыми» от обилия бумаг папками, все рисовала какие-то новые операционные схемы, иногда обращаясь к возившемуся возле книжного шкафа маленькому Грише:

– Как вы считаете, коллега? Сработает?

– Сработает, – важно отвечал он.

В углу кабинета стоял скелет, а в нижнем отделении книжного шкафа – драный заяц, три грузовика, кубики, еще какая-то детсадовская ерунда и – кости. В большинстве своем – настоящие. Гриша уже в пять лет запросто отличал плечевую от большой берцовой. Да и читать выучился по медицинским справочникам. Ужас домработницы Нюры перед «мертвяками» его веселил. Нюра вообще была смешная, боялась даже салюта на День Победы – он напоминал ей войну и бомбежки – и почему-то ворон, считая их предвестниками всяческих несчастий. «Гринечку» Нюра обожала и даже пыталась спорить с Евгенией Марковной, когда та требовала:

– Оставь мальчишку в покое, что ты его кутаешь! Он не старая бабка, а нормальный здоровый пацан.

Ему было четыре года, когда родители уехали по распределению в Североморск, практически на край света. Гришу оставили с бабушкой и Нюрой. Временно, пока не обживутся.

Ну да, временно. Мать приехала через десять лет.

Из-за непрерывного курения и большой нагрузки на ноги – у хирургов работа стоячая, никуда не денешься – у Евгении Марковны развился тотальный тромбоз, и ей отняли левую ступню. Вот тогда мать и приехала – «поддержать». Еще молодая, но почти чужая женщина, даже странно было, что она называется «мама». Сильно пополнившая, громогласная, она тискала Гришу, причитала над бабушкой, рыдала и вообще производила невероятное количество шума и беспокойства. Четырнадцатилетний Гриша страшно боялся, что она заберет его с собой. Но, к счастью, обошлось. Бабушка сказала, что Гриша – вполне взрослый парень, а менять хорошую московскую школу на какой-то райцентр – невероятная глупость, и мать подчинилась. Евгения Марковна всегда умела настоять на своем.

Она довольно быстро выучилась вполне сносно ковылять на протезе, называла себя «Маресьевым в юбке», но оперировать уже не могла. К тому же из-за прогрессирующего диабета у бабушки стало ухудшаться зрение. Однако на все увещевания коллег – «Евгения Марковна, вы же понимаете, что курить вам категорически нельзя!» – она отвечала:

– Хватит меня учить! Я фаталистка. Сколько отпущено, столько и проживу. Да и что за жизнь – без операционной? Лекции? Консультации? Скучно, коллеги. Отстаньте, в общем. Стара я слишком, чтобы привычки менять.

Вторую ногу отняли, когда Григорий поступил в медицинский институт. Евгения Марковна освоила инвалидную коляску, но с лекциями и консультациями тоже пришлось проститься. А через полгода умерла Нюра. Григорий крутился, как белка в колесе: институт,

магазины, уборка. Готовку бабушка взяла на себя, заявив – мне все равно целый день делать нечего! – но поддерживать в квартире привычную хирургическую чистоту, конечно, не могла. Нельзя сказать, чтобы ей требовался такой уж глобальный уход – Евгения Марковна упрямо держалась за остатки самостоятельности. Но Григорий старался посвящать ей как можно больше времени. С потерей любимой работы бабушка как будто утратила внутренний стержень, и внуку становилось до слез ее жаль. И главное было – не показать этой жалости, сделать вид, что все в порядке.

Разговоры «за жизнь» начинались всегда одинаково.

– Коллега, – теперь бабушка называла его «коллегой» вполне серьезно, – мне сегодня звонил профессор Тихоновский. Хотя теперь он профессор и членкор, без пяти минут академик, а был ведь просто Коля, ассистентом у меня начинал. Вот, позвонил по старой памяти, уважил. Говорил, что ты у него самый блестящий студент, и после диплома добро пожаловать к нему в клинику. В общем, ты уже совсем большой мальчик. И хватит тебе все время со старухой сидеть.

– Бабушка!

– Что – бабушка? Что, девушек вокруг нет? Ну ладно, ты не ходишь никуда, но у вас же не одни парни учатся. Когда уже подругу приведешь?

– Мне с тобой интереснее, – честно отвечал Григорий.

Бабушка хмыкала:

– Лестно, конечно. Но ты же не собрался переписать мужскую физиологию? Пора уже найти кого-нибудь.

– Да они скучные все! В головах пустота, аж звенит.

– Дорогой мой! – восклицала Евгения Марковна. – Девушка – это не библиотека, у нее немного другие... функции. И голова тут практически без надобности.

Впрочем, девушек «на хирургии» было действительно немного, и большинство уже «заняты». А две даже замужем. И вообще, перспектива начинать ухаживания – дарить цветы, приглашать в кино – казалась Григорию глупой и несколько пугающей. Хотя насчет мужской физиологии бабушка была, конечно, права. Валентина, которая норовила в каждой аудитории сесть рядом с ним, несколько раз снилась Григорию в таких откровенных снах, что приходилось бежать в ванную и совать голову под холодную воду. Училась девушка так себе, по два хвоста в каждую сессию, да и красавицей не была. Но плотная ладная фигурка, пышная грудь, которую не могли скрыть даже самые просторные халаты, и невероятной белизны зубы с крошечной щербинкой придавали ей странную притягательность, вызывая совсем не «библиотечные» чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.